

Смирнова Л.А.

Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество

«...МИР ВАМ, НЕОТМЩЕННЫЕ...»

ПРОЗА 1910-Х ГГ. О СУДЬБАХ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ. ИВ. БУНИН И М. ГОРЬКИЙ.
ЗАВЕТЫ Л. Н. ТОЛСТОГО

К 1907 г. относятся суровые строки Бунина о крепостном прошлом русских крестьян:

...Кто знает
Их имена простые? Жили – в страхе,
В безвестности – почили. Иногда
В селе ковали цепи, засекали,
На поселенье гнали. Не стихал
Однообразный бабий плач – и снова
Шли дни труда, покорности и страха...

В текущей жизни деревни Бунин наблюдал не менее трагичную картину. И написал об этом не одно произведение.

Вполне будто можно понять, почему писатель пережил, по его же словам, «долгое народничество». Однако уже в цитируемом стихотворении, названном выразительно «Пустошь», есть мотив, явно не согласующийся с этой позицией. Автор обращается к почившим холопам:

Не вы одни страдали: внуки ваших
Владык и повелителей испили
Не меньше вас из горькой чаши рабства!

Поворот неожиданный. Но для Бунина характерный. Его всегда интересовало внутреннее состояние человека в той или иной общественной атмосфере. Рабство и дальнейшее, пореформенное оскудение русских сел не могли не наложить мрачную печать на их обитателей, независимо от того, к какой социальной среде они принадлежали. Позже, в 1911 г. Бунин прямо сказал: «Мне кажется, что быт и душа дворян те же, что и у мужика; все различие обуславливается лишь материальным превосходством дворянского сословия». Такой взгляд решительно расходился с традиционно народническими. Во-первых, потому, что далек был от идеализации крестьянства. Во-вторых, объединял с преступным владычеством помещиков «горькую чашу» их нравственных утрат. Не принимал Бунин и другие народнические доктрины: отрицание капитализма в России, спасительность «хождения в народ». Писатель, знаток деревни, видел их наивность. Основным для него было проникновение в психологические противоречия и мужика и барина. Оно складывалось постепенно, а к началу 1910 г. увенчалось целым рядом блестящих повестей и рассказов, открывающимся большим, обобщающим полотном – «Деревня».

В 1921 г., уже в Париже, Бунин писал об этом периоде творчества: «Это было начало целого ряда произведений, резко рисовавших русскую душу, ее своеобразные сплетения, ее светлые и темные, но почти всегда трагические основы. В русской критике и в среде русской интеллигенции, где, в силу своеобразных условий, а за последнее время и просто в силу незнания народа или по политическим соображениям, народ почти всегда идеализировался, эти беспощадные произведения вызвали очень страстные отклики и в конечном итоге принесли мне то, что называется успехом, который еще более укрепил мои последующие работы».

Так все и было. Широкая известность Бунина началась с выходом «Деревни», хотя в кругу специалистов он был признан раньше. Ему была присуждена академическая премия Пушкина. А в 1909 г. Ивана Алексеевича избрали почетным членом Российской Академии наук. Справедливо и другое: именно резкий тон «Деревни» привел к острой полемике. Однако сейчас, когда читаешь повесть, глубоко волнует вовсе не эта ее особенность. Да и в момент появления «Деревни» подлинными ее ценителями обладали восприимчивыми куда более емких масштабов. Сохранились некоторые художественные «заготовки» к роману «Жизнь Арсеньева».

Одна из записей содержит размышление о сущности народничества и проливает, думается, свет и на дооктябрьские искания Бунина: «Россия – страна особая, у России свой собственный путь развития. России предстоит великое слово – она скажет миру свое новое слово: вот положения, выражающие душу общественного и духовного движения за последние сто лет истории русского самосознания в XIX веке, вот история русского освободительного движения. Чаять будущего века – чаять светлого будущего. Герцена спасла вера в социализм, в идеал. Да, назначение русского человека – это, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Достоевский. Пропагандисты, герои, борцы, мученики».

Очень интересная запись. Бунин застал страну в тот момент, когда вера в общинный идеал, в возможность перестроить народную жизнь на артельной основе – иссякла. Чуждость таких побуждений крестьянству стала очевидной. Как и тщетность деятельности народнических «героев, борцов, мучеников». Но надежда на будущее, ожидание «нового века», предугаданное ими, усилились. Писатель хотел понять, к чему стремится сам мужик, каково самосознание широких масс на переломе. Обращение к «русской душе», ее противоречиям было, можно сказать, вынужденным. Где же, если не в ее глубинах, можно увидеть, как соотносятся исторически сложившиеся и рожденные настоящим потребности? Предпринималась попытка прояснить неоднородное внутреннее состояние народа. Свои раздумья автор открыто не высказывал, а «выверял» в опыте главных и бесчисленных второстепенных героев «Деревни».

Бунин не был одинок в пристальном внимании к России. Писатели начала XX в. словно следовали совету, данному еще М. Е. Салтыковым-Щедриным: «Мужик – герой современности, это верно... Ежели мужик так всем необходим, то надо же знать, что он такое, что он представляет собой как в действительности, так и *in potentia*». После событий 1905 - 1907 гг. необходимость уловить эти возможности возросла предельно. Общее притяжение к «народной душе», при всей патриархальности такого понятия, оборачивалось осмыслением реальных процессов в психологии трудовой массы. По своему о них писали М. Горький, В. Вересаев, А. Куприн, А. Серафимович, С. Сергеев-Ценский, И. Вольнов, А. Чапыгин. «Народ, Россия... вот те новые огромные темы, к которым подошли теперь лучшие наши художники» - это впечатление критика В. Львова-Рогачева было очень распространенным. Однако ближе всех среди современников к

Бунину стоял М. Горький. Оба критически относились к изображению "мужичка" в предшествующей отечественной литературе. «В России,- весьма смело заметил Бунин в 1912 г., - никогда не существовало подлинного серьезного изучения народа <...>. Кем действительно было много сделано в смысле изучения народа, это Гл. Успенским». Нелицеприятную оценку вызвали даже Григорович и Тургенев. Гл. Успенский привлекал своим дифференцированным подходом к сложным брожениям в народной среде. Нечто похожее говорил Горький: «Дворяне изображали его (мужика.-- Л. С.) боголюбивым христианином, насквозь пропитанным кротостью и всепрощением <...>. Литература старых народников рисовала мужика раскрашенным в красные цвета и вкусным, как вяземский пряник, коллективистом по духу!» Исключение снова было сделано для Гл. Успенского, хотя, кроме его опыта, Горький признавал достижения В. Короленко, Ф. Решетникова, А. Чехова.

Совпадение, разумеется, не случайное. Взгляд Бунина и Горького был прикован к духовному состоянию народа с одной целью – определить ведущие тенденции быстро текущей жизни. Но здесь же таилась причина расхождения писателей. Горький увидел светлую перспективу преодоления пассивности, разобщения масс, их объединение в строительстве нового мира. Бунин отрицал возможность любых кардинальных изменений. Тем не менее, в своей искренней и взыскательной любви к Родине болезненно воспринял печальные следствия бесправного положения крестьян – их анархическое своеволие или слабость воли, мысли. Выводы Бунина были пессимистичными. Но они «направлялись» как раз к тем ущербным явлениям, которые придирчиво осмысливал и Горький. Оба не могли не почувствовать сильного влечения друг к другу.

Самые тесные отношения между Буниным и Горьким сложились в пору их встреч на Капри. В этот период Бунин пишет повести и рассказы: «Деревня» (1910), «Суходол» (1911), рассказы «Ночной разговор» (1911), «Веселый двор» (1911), «Захар Воробьев» (1912), «Игнат» (1912). А Горький издает только что оконченные «Исповедь», «Лето», продолжает «окуровскую» дилогию, создает новые рассказы из цикла «По Руси». При всем различии представления о судьбе народа двух авторов имели несомненную внутреннюю связь между собой.

Недавно вторым изданием вышла интересная книга А. Нинова «М. Горький и Ив. Бунин. История отношений – проблемы творчества» (Л., 1984). В ней живо и подробно, с привлечением большого количества документов прослеживаются знакомство в Ялте в 1899 г., сближение и полемика двух современников.

Бунин побывал на Капри, когда Горький жил там, несколько раз: в марте – апреле 1909 г., апреле – мае 1910 г.; прожил с ноября 1911 по 17 февраля 1912 г., затем с ноября 1912 по март 1913 г.

Как утверждает А. Нинов, уже при первом свидании Бунин увлекся раздумьями Горького о России, в частности речами старика Ионы из «Исповеди». Покинув Капри Бунин писал Горькому: «...вернулся к тому, к чему Вы советовали вернуться, – к повести о деревне.(...) И теперь старичок Ваш особенно задевает меня. Ах, эта самая Русь и ее история!»

В «Деревне» Бунин, вняв совету Горького, ответил на свое восклицание об «этой самой Руси и ее истории» да и на рассуждения Ионы о «великомученике – народе». А затем развил эту тему в «Суходоле» и рассказах. При свиданиях с Горьким беседы проходили на редкость оживленно, часто переходя в спор. Остро обсуждались прочитанные здесь произведения обоих писателей.

Бунина, как следует из его откликов, привлекли горьковские «Исповедь», «Городок Окуров», отдельные рассказы. Он высоко оценил изображенные М. Горьким трагические картины русской жизни, с ее загубленными талантами и подспудными нравственными силами. Там же, где Горький показал пробуждение заштатной России (особенно «Лето», затем «Жизнь Матвея Кожемякина»), Бунин чувствовал чуждое себе начало.

Горький подходил к созданиям Бунина тоже дифференцированно. «Деревню» он принял восторженно. «И множество достоинств вижу в повести этой, волнует она меня – до глубины души. Почти на каждой странице есть нечто близкое, столь русское – слов не нахожу достойных! Хороших кровей писатель Иван Бунин и – должен беречь себя», – писал Горький автору «Деревни». И позже: «Я не вижу, с чем можно сравнить Вашу вещь, тронут ею – очень сильно. Дорог мне этот скромно скрытый, заглушенный стон о родной земле, дорога благородная скорбь, мучительный страх за нее – и все это – ново». Очень сильное впечатление произвели на Горького рассказы «Хорошая жизнь», «Сверчок», «Ночной разговор», «При дороге». Восхищение вызвал рассказ «Захар Воробьев». Но мрачная история гибели матери и сына в бунинском рассказе «Веселый двор» породила самые неприятные размышления Горького. Он писал своей первой жене Е.П. Пешковой после чтения этого рассказа Буниным: «Все это в высшей степени красиво сделано, но – производит гнетущее впечатление. Слушали: Коцюбинский, у которого большое сердце, Черемнов – туберкулезный, Золотарев – человек, который не может найти себя, и я, – у меня болит мозг и в голове, и во всех костях. Потом долго спорили о русском народе и судьбах его...»

По поводу рассказа «Суходол», как свидетельствовал М. П. Коцюбинский, тоже состоялась жаркая полемика. Горький не мог иначе реагировать на беспросветный, с его точки зрения, колорит многих бунинских сочинений.

Общение писателей неоднократно осложнялось. А. Нинов приводит письмо Бунина от февраля 1912 г., хранящееся в Государственном литературном музее И. С. Тургенева (Орел), где отношения с Горьким названы «холодно-любезными и тяжело-дружескими». Споры, однако, не повлияли на признание Буниным и Горьким таланта друг у друга.

В феврале 1912 г. Алексей Максимович пишет В. И. Качалову о Бунине:

«Знаете – он так стал писать прозу, что если скажут о нем: это лучший стилист современности – здесь не будет преувеличения»

Такой взгляд Горький не только сохранил, но и пропагандировал до конца своей жизни.

Бунин не раз давал самую лестную оценку достижениям Горького, причем в те моменты, когда писатель подвергался резкой критике. В 1910 г. на разговоры об отрыве Горького от Родины и падении его дарования Бунин резко возразил: «Лично я продолжаю считать, что очень крупный художественный талант Горького остается на прежней высоте. Всю свою жизнь Алексей Максимович провел в России и успел впитать в себя обилие впечатлений и знания родной страны. Кроме того, я вообще считаю неудачной попытку связать упадок или развитие таланта с оторванностью или прикрепленностью к родной земле. М. Горький в свое время был писателем России, но талант его эволюционирует, и, по-моему, Горький идет к тому, чтобы перестать быть писателем исключительно русским и занять положение писателя общечеловеческого». Бунин с большой теплотой отозвался о своем каприйском пребывании (1913), защищал Горького (1916) от нападок на его статью «Две души». Справедливости ради нужно добавить, что в

эмиграции Бунин изменил свое отношение к Горькому, отрицательно оценил прежние впечатления о писателе.

Ныне накоплен немалый опыт в сопоставительной характеристике произведений Бунина и Горького о России. Проведены убедительные параллели между такими произведениями писателей, как «Деревня» и «Лето» Бунина, «Городок Окуров» Горького, раскрыты их общие и глубоко различные черты. Близость их творчества – в беспощадном реализме, неприятии уродливых сторон русской действительности, в обнаружении истоков ее противоречий. Расхождения – в понимании хода отечественной истории: по Бунину, бесперспективной, фатально обреченной; по Горькому, копящей силы, уже вступающей в новую полосу подъема. Исследователи определили противоположную трактовку писателями типичных для России фигур. Они сравнивали «правдоискателей»: бунинских героев Кузьму Красова, «базарного философа» Балашкина и горьковского Якова Тиунова. Не менее выразительно соотносились Дениска Серый из повести «Деревня» и Егор Трофимов, персонаж «Лета», рожденные «глухими углами» страны, но вкусившие и городского опыта. Верно отмечена сходная реакция Бунина и Горького на стяжателей, собственников.

Главный вывод, к которому приходят исследователи, – художники-современники по-разному восприняли революционные события. Там, где Горький видел знак возрождения мира, Бунин усматривал лишь бессмысленное своеволие, стихийный порыв. Такая точка зрения опирается на суждения самого Бунина. Любые проявления своего народа он объяснял его природой, сложившейся в темной, трудной жизни прошлого. Работая над рассказом «Суходол», Бунин писал, что его «интересуют не мужики сами по себе, а душа русских людей вообще <...>, изображение черт психики славянина». Известен ответ Бунина на анкету «Всемирная война и созидательные силы России»: «Глубокие почвенные начала национальной психологии резко противоречат практическому трезвому строительному укладу».

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

**Эту книгу вы можете почитать в
Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им.
Н.К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел.: для справок: (3532) 77-92-66**